

Лин Чэн наконец почувствовал, что его давно утраченное обаяние снова действует на этого ребёнка, и на его обычно холодном лице мелькнула искренняя улыбка. Но она продержалась меньше секунды, как вдруг он услышал, как Линь Хайян, держась за штаны, простонал:

— Лин-гэ, мне по-маленькому!

Лин Чэн: «?»»

Глядя на Линь Хайяна, который, словно подхваченный ветром, помчался в туалет, Лин Чэн с видом человека, познавшего всю суету мира, закурил сигарету и глубоко затянулся.

Эх, быть человеком — тяжкий труд.

В итоге сцена с поцелуем так и не была снята. Лин Чэн подошёл и поговорил с Нианом, которого довели до белого каления бесконечные NG. Режиссёр немного подумал и в конце концов решил сделать постановочный поцелуй.

Так что в кадре зрители видели лишь красивый затылок Линь Хайяна и сосредоточенное лицо Чэнь Линь. Их губы разделяли добрых три сантиметра, и они лишь слегка поворачивали головы — Линь Хайян даже с эмоциями не справился!

У Цзи Сяобин и У Юэ таких проблем не было. Цзи Сяобин, привыкшая к ролям в молодёжных романтических фильмах, была на короткой ноге с поцелуями. Линь Хайян, сидя на табуретке, с изумлением наблюдал, как У Юэ притянули к себе, прижали и принялись яростно сливать губы, не оставляя ему шанса на отпор.

С приходом главной героини режиссёр начал торопиться, чтобы успеть снять как можно больше материала и попасть в сроки для участия в конкурсе на лучший телесериал следующего года. Линь Хайян несколько недель вертелся как белка в колесе. Лин Чэн по-прежнему приносил ему еду, но с каким-то странным выражением лица, отчего Линь Хайян, поглощая угощения, только удивлялся и набирал ещё полтора килограмма.

Вечером в день завершения съёмок Ниан наконец-то решился сбрить свою бороду, удалил волосы на ногах и, впервые за долгое время, воспользовался мужским парфюмом, чтобы устроить ужин для всей съёмочной группы.

Надев костюм, галстук и уложив волосы, он сиял так, что глазам было больно, и спросил у команды:

— Куда хотите? Сегодня мой счёт.

Цзи Сяобин выступила первой:

— Конечно, в пятизвёздочный отель! Я тебя до трусов обчищу!

Линь Хайян тоже с восхищением сказал, его слегка округлившееся личико светилось от мечты:

— Может, пойдём в тот барбекю-ресторанчик рядом? Каждый вечер оттуда такой запах идёт, что я от голода заснуть не могу...

Цзи Сяобин закатила глаза:

— Ты хоть немного амбиций имей! Смотри, кто с тобой пойдёт-то...

Ниан поставил точку:

— Значит, идём в барбекю. Но сразу говорю, я не потому, что тебя послушал, просто самому захотелось. Не зазнавайся...

Цзи Сяобин:

— Ты серьёзно? Посмотри на свой костюм и галстук и повтори!

Чэнь Линь, скрестив руки на груди, холодно бросила:

— Мать твою, пидор.

Лин Чэн со сложным выражением лица шёл позади Линь Хайяна, наблюдая, как тот с радостью переоделся. Его кудряшки, закованные в лак на два с лишним месяца, наконец обрели свободу и мягко упали на лоб. Глаза его сияли, и казалось, он вот-вот взлетит и умчится в барбекю, чтобы наесться от души.

Хозяйка соседнего барбекю, обливаясь потом, вдруг увидела, как в её заведение ввалилась целая толпа сияющих мужчин и женщин. Она чуть не проткнула себе руку шампуром:

— Ой-ой! Заходите, заходите! Проходите в зал, самый большой!

Линь Хайян вприпрыжку забежал в зал, уселся на деревянный табурет и, чинно постукивая по миске, стал ждать еды. За круглым столом собрались все: Ниан с отвращением вытирал свой стул салфеткой, Цзи Сяобин пыталась поддерживать неловкий разговор, Чэнь Линь её игнорировала, сохраняя на лице вежливую улыбку; Цинцзы напевала «Маленькую лягушку», У Юэ резался в «три в ряд», ассистентка смотрела на него с обожанием, а Лин Чэн...

А где Лин Чэн?

Линь Хайян забеспокоился, встал и огляделся. Вдалеке он заметил Лин Чэна, который, благодаря своему солидному виду, был мобилизован хозяйкой на тяжёлую работу — таскал ящики с пивом с каменным лицом.

Линь Хайян подошёл и спросил:

— Лин-гэ, помочь?

Лин Чэн машинально ответил:

— Не надо, иди садись, это тяжёлые...

В следующую секунду Линь Хайян с лёгкостью взвалил по ящику на каждое плечо, повернулся к нему и спросил:

— Что тяжёлые?

Лин Чэн:

— ...Ничего.

Он смотрел, как Линь Хайян бодро шагает, неся неподъёмную ношу, и вспомнил ту силу, с которой тот швырнул его на стену. Внезапно путь к завоеванию сердца показался ему долгим и тернистым.

Лин Чэн ускорил шаг, догнал Линь Хайяна и предупредил:

— Помни, не пей.

Линь Хайян, зная, что с ним творится после выпивки, послушно кивнул:

— Ладно.

К тому времени, как они вернулись в зал, там уже вовсю шло пиршество. Хозяин, обливаясь потом, подносил огромные подносы: бараньи хребты, колбаски, куриные крылышки, кальмары на гриле. Линь Хайян, почуяв запах, возбуждённо, как большая собака, набросился на еду и принялся жадно набивать рот:

— Лин-гэ, иди скорее, вкууусно!!

Лин Чэн сел рядом и протянул ему пару салфеток:

— Не пролей на одежду.

Линь Хайян глупо ухмыльнулся и продолжил запихивать в себя еду. Вокруг стоял гвалт: все подначивали режиссёра, потом переключились на У Юэ, перебрали всех по очереди. Когда дошла очередь до Хайяна, они увидели Лин Чэна, восседающего рядом с видом неприступной крепости:

— Он пить не будет.

Линь Хайян, не вникая в ситуацию, подтвердил:

— Ага, я не буду...

Остальные, видя, как он наслаждается едой, оставили его в покое. Наевшись, Линь Хайян почувствовал, что приелось, и зорким глазом заметил рядом коробочку шоколада, выглядывшую очень аппетитно — должно быть, её принесли с собой. Он сглотнул слюну, аккуратно развернул одну шоколадку и положил в рот.

Лин Чэн только что наблюдал за ним и немного успокоился — ребёнок вёл себя хорошо, сказал не пить и не пьёт. Он отвернулся, чтобы налить воды, а когда обернулся, увидел Линь Хайяна, развалившегося на стуле:

— ...Хайян??

Лин Чэн позвал его, но тот не откликнулся, лишь глупо ухмылялся:

— Хи-хи-хи-хи-хи-хи...

Лин Чэн нахмурился, взял коробочку из-под шоколада и увидел на ней пять отчётливых иероглифов:

«Шоколад с ликёром».

Он вздохнул и провёл рукой по лбу:

Похоже, сегодня ночью снова будет весело...

Углубилась ночь. Еда на столе таяла на глазах, а корзина для пустых бутылок из-под пива уже была завалена. Лин Чэн выпил всего пару бокалов, и никто не смел его уговаривать, так что он сохранял кристально ясный рассудок и холодным взглядом наблюдал, как режиссёр сходит с ума.

Ниан уже скинул свой пиджак, весь в пятнах от обжорства, и теперь, прищурившись, подползал к Линь Хайяну:

— Хай... Хайян...

Линь Хайян в замешательстве поднял голову, разинув рот:

— А?

Ниан, пунцовый от выпивки, с быстротой молнии ущипнул Линь Хайяна за щёку и принялся потирать руки:

— Хе-хе-хе-хе...

Линь Хайян, совершенно не сознавая, что его облапали, тоже начал глупо смеяться:

— Хе-хе-хе-хе-хе-хе...

Лин Чэн: «...»

Он отстранил подползающего режиссёра, который не скрывал своих наклонностей. Остальные члены съёмочной группы, изрядно набравшись, тоже отрывались по полной: Цзи Сяобин готова была зарыться лицом в грудь Чэнь Линь, а ассистентка с горящими глазами потихоньку подбиралась к Линь Хайяну.

Терпение Лин Чэна лопнуло:

— Пора расходиться.

Ниан, услышав это, достал телефон, прищурился и посмотрел на время. Час ночи. Пора. Он помахал рукой:

— Пора... всем пора! По домам!

И вот пьяная съёмочная группа, поддерживая и подпирая друг друга, побрела обратно. Лин Чэн тоже поднял Линь Хайяна со стула, взяв его под руку, и поволок домой.

Линь Хайян вёл себя послушно, лишь постанывал и шёл за ним, но при этом так вихлял бёдрами, что штаны едва не спадали, обнажая трусы с Пикачу. Лин Чэн, содрогнувшись от этого зрелища, поспешил подтянуть ему штаны:

— Веди себя прилично...

Линь Хайян слегка заныл, но выпрямился и послушно поплёлся домой.

Затащив Линь Хайяна в комнату и с трудом уложив на кровать, Лин Чэн уже собрался перевести дух, как вдруг тот с радостным видом подпрыгнул на кровати и принялся носиться по тесной комнате, подпрыгивая и ора что есть мочи:

— А-а-а-а-а-а-а!

У Лин Чэна перехватило дыхание:

— Что ты делаешь?

Линь Хайян остановился и с серьёзным видом заявил:

— Я худею!

Лин Чэн:

— ...Ты что, худеешь?

<http://bllate.org/book/16280/1466330>